

— Пан, неужели оно того стоит? — Кровавый Барон по-прежнему выглядел грозно: его призрачные одежды были покрыты серебристыми пятнами засохшей крови. Он редко баловал окружающих разговорами, но сейчас не выдержал. Из его темных пустых глазниц сочилась свежая сукровица. Никто не знал, откуда бралась эта вечная влага и чья именно кровь адела на его камзоле, но эти багровые слезы точно не имели ничего общего с триумфом.

— Пан... — Почти Безголовый Ник тоскливо вздохнул. Он не знал, что добавить. На самом деле даже по случаю Хэллоуина привидения Хогвартса собирались в таком составе крайне редко, а уж сегодня они и вовсе растеряли свое обычное красноречие. Гриффиндорский призрак даже не заметил, что парит бок о бок с мрачным слизеринцем Бароном, напрочь позабыв о давней вражде. Все их внимание занимал мальчик, который мягко и кротко улыбался. С виду он казался совсем юным — пожалуй, даже моложе несносного полтергейста Пивза.

Пан Трэлони Джесас — имя, неведомое ни одной живой душе в замке. О нем не догадывался даже великий Альбус Дамблдор. Этот юноша носил фамилию, восходящую к самому Сыну Божьему, хотя призраком в привычном смысле слова его назвать было нельзя — ведь духи не способны сотворить сами себя.

Только по его воле умершие обретали способность остаться в Хогвартсе, получая призрачное подобие вечной жизни. Не каждому было дано задержаться в этих стенах. Взамен Пан просил лишь одного: принести нерушимую клятву верности и оберегать школу до тех пор, пока она не обратится в пыль. Дамблдор не знал о существовании Пана именно из-за этой древней магии. Территорию замка и Запретного леса пронизывало столько старинных заклятий и пактов, что удержать их все в голове не смог бы ни один волшебник.

Связано ли имя Пана с Сивиллой Трэлони? Разумеется, нет. Если между ними и была ниточка, то тянулась она к какому-то невероятно наглому предку из семейства Трэлони, который некогда присвоил эту звучную фамилию в надежде снискать милость свыше. И надо признать, высшие силы действительно проявили благосклонность, наделив их потомков редким, пусть и хаотичным даром предвидения. Но стоило какой-нибудь из дочерей Трэлони сменить фамилию в замужестве или дать детям иное имя, как благословение мгновенно испарялось. Небесная благодать оказалась на удивление разборчивой — она признавала лишь имя. Спорить с такой прихотью не решился бы даже Мерлин в свои лучшие годы.

Впрочем, вернемся к Пану Трэлони Джесасу. Этот таинственный покровитель неприкаянных душ выглядел как бледный хрупкий ребенок с длинными волосами цвета платины и кротким взглядом ясных, чистых, как озерная вода, глаз. И это при том, что его возраст превосходил лета любого из хогвартских привидений.

— Нет, я всё решил, — тихо произнес мальчик. Его мягкий, вкрадчивый шепот отчетливо разнесся под сводами коридора. В этом голосе чувствовалась стальная, непреклонная воля. Никто из призраков не догадывался, что к этому моменту Пан шел долгие десять лет. Для бесплотных созданий, чей удел — вечность, десятилетие казалось лишь песчинкой, но для него это был огромный срок.

— Нужно ли мне позвать наших друзей из Запретного леса? — спросил Кровавый Барон. Он

понимал, что спорить бесполезно, но до сих пор не мог взять в толк, почему Пан решил нарушить покой именно сейчас. Даже во времена жестоких войн и в самые мрачные годы тирании Темного Лорда он оставался лишь безучастным созерцателем. Живые и мертвые принадлежали разным мирам, какими бы прочными ни казались связующие их узы.

— Нет, спасибо, — качнул головой мальчик. — Я сам сообщу им о своем решении.

— Разумно ли это? — Серая Дама с тревогой посмотрела на Пана. Будучи мудрым призраком Рейвенкло, она знала, что за всё приходится платить. Пан почти всегда оставался бесплотным духом. И если теперь он намеревался обрести осязаемое тело и явиться к живым, цена за такое превращение должна быть непомерно высокой. Закон равноценного обмена — незыблемое правило вселенной, которому подчиняются даже боги, пока они находятся в этом мире. Ведь даже для того, чтобы удержать здесь призраков, Пан расходовал собственные силы, связывая их клятвой верности замку. К тому же Серая Дама помнила, что именно в этом году в школу должен был поступить выживший мальчик. Такое совпадение вряд ли могло быть случайным.

Вместо ответа Пан лишь безмолвно улыбнулся. Он поднял правую руку, в которой сжимал узловатую серо-черную палочку. Выбор был сделан, и спорить не имело смысла.

— Что ж, да будет так, — вздохнула Серая Дама.

Время стирает грани. Воспоминания Пана давно подернулись дымкой забвения: он уже с трудом помнил, как именно оказался в этих стенах. В памяти теплился лишь смутный образ древнего договора — соглашения, в котором каждая сторона принесла свою жертву.

Его история тянулась из глубин веков, задолго до того, как был заложен первый камень Хогвартса. Слишком долгая жизнь притупила боль былых утрат. Когда уходили великие основатели — Салазар Слизерин, Годрик Гриффиндор, Ровена Рейвенкло и Хельга Хаффлпафф — Пан взирал на это с глубоким, отрешенным спокойствием. Он даже не помышлял о том, чтобы вернуть их к жизни своей силой. Земное существование полно страданий, и вечность в тленном теле обратилась бы в непрекращающуюся пытку. Позволить их чистым душам раствориться в небесной выси и сберечь то, что они любили больше всего на свете, — вот единственное, чем он мог им отплатить.

Слишком много воды утекло. Память уступала безжалостному бегу времени, стирая первоначальную суть его соглашения с Творцом. Мелкие детали канули в лету, но теперь в его разуме наконец вспыхнула забытая искра. Он вспомнил. Кажется, время еще оставалось.

Обретя плоть, Пан стремительно сбежал по постоянно меняющим направление лестницам Хогвартса. Подол его тяжелой черной мантии взметался от быстрого бега. Вслед за ним бесшумным шлейфом торопились замковые привидения. К счастью, сейчас всю шел праздничный банкет в честь начала учебного года, и все студенты вместе с преподавателями собрались в Большом зале. Появление подобной процессии в любое другое время наверняка

вызвало бы небывалый переполох.

В маленькой комнате по соседству с Главным залом испуганные одиннадцатилетние первокурсники теснились плечом к плечу, с замиранием сердца озираясь по сторонам.

Профессор Макгонагалл, декан Гриффиндора, как раз заканчивала краткое напутствие:

—... Четыре факультета Хогвартса носят имена Годрика Гриффиндора, Хельги Хаффлпафф, Ровены Рейвенкло и Салазара Слизерина. У каждого из них богатая история, и каждый выпустил немало выдающихся волшебников и волшебниц. Пока вы учитесь здесь, ваши успехи будут приносить вашему факультету призовые очки, а за любые нарушения правил эти очки будут вычитаться. В конце года факультет, набравший наибольшее количество баллов, награждается Кубком школы — это великая честь. И я надеюсь, что каждый из вас станет достойным преемником традиций своего будущего факультета.

— Через несколько минут в присутствии всей школы начнется церемония распределения. Настоятельно рекомендую вам использовать оставшееся время, чтобы привести себя в порядок и собраться с мыслями.

С этими словами она обвела притихшую толпу строгим, пронизательным взглядом. От ее величественной фигуры веяло такой непреклонной дисциплиной, что ни один ребенок не посмел бы издать ни звука.

— Я вернусь за вами, как только всё подготовят, — сухо произнесла профессор Макгонагалл. — Пожалуйста, ведите себя тихо.

Когда дверь за ней захлопнулась, комната тут же наполнилась приглушенным, испуганным шепотом. Загадочная «церемония распределения» пугала детей ничуть не меньше, чем недавняя переправа через Запретное озеро под звездным небом. И хотя поездка на лодках заставила многих затаить дыхание от восторга, сырой сентябрьский ветер успел пробрать будущих студентов до костей. Оставалось лишь надеяться, что само испытание не окажется еще хуже.

Убедившись, что профессор Макгонагалл ушла достаточно далеко, призраки переглянулись, напоследок взглянув на молчаливого Пана. Издав тихий, согласный вздох, они беззвучно скользнули сквозь каменную стену прямо в комнату к детям. Несколько привидений демонстративно пролетели сквозь испуганных первокурсников, вызвав волну панических вскриков и суматохи. Пока всё внимание ребят было поглощено жемчужно-белыми полупрозрачными фигурами, парившими под потолком, Пан, мгновение назад стоявший в коридоре, незаметно проскользнул внутрь и затерялся в толпе напуганных детей.

Никто не заметил его появления. В суматохе никому и в голову не пришло пересчитывать

будущих учеников или вспоминать, в какой именно лодке плыл этот бледный мальчик. Люди слишком часто упускают из виду самые важные детали, не так ли?

<http://bllate.org/book/18188/1751508>